СУХАЯ БѢДА.

Послѣ скучнаго зимняго переѣзда, прибылъ я въ чувашскую деревеньку, гдѣ приходилось ночевать. Избушки, казалось, вросли въ землю; ихъ такъ занесло сугробами снѣга, что проѣзжіе, безъ малѣйшаго преувеличенія, глядѣли съ дороги въ крестьянскіе дворы какъ съ горы въ пропасть и легко могли бы вывалиться изъ саней, черезъ тынъ или кровлю на такой крестьянскій дворъ. Дымъ валилъ изъ трубъ тутъ и тамъ изъ–подъ снѣга, и я невольно припоминалъ сказочныя преданія о затопленныхъ деревняхъ съ церквами.

Меня привезли, по указанію, въ лучшую избу. Кому случалось гостить у Чувашъ, тотъ знаетъ, что такое лучшая чувашская изба: это курная русская избенка, во всѣхъ отношеніяхъ худшая изъ дурныхъ. Хозяинъ хотѣлъ мнѣ подать такъ–называемаго квасу, пошелъ его искать подъ лавкой, досталъ оттуда деревянную чашку и подалъ

ее мнѣ: я ему указалъ на плававшую въ квасу мертвую мышь; онъ взглянулъ, выкинулъ ее пальцами подъ лавку, поставилъ чашку къ сторонѣ, и пошелъ, чтобы мнѣ зачерпнуть квасу въ другую посудину. «Не трудись», сказалъ я ему: «не надо; да скажи, пожалуй, для чего же ты не выплеснешь изъ чашки этотъ квасъ? Нешто ты станешь его пить?» — Ничего, отвѣчалъ онъ: слѣп*ая* отецъ на печи есть, *она* выпьетъ.

Мнѣ хотѣлось ѣсть и пить, и я, по обыкновенію путниковъ, потребовалъ молока или яицъ. Послѣднія хоть тѣмъ хороши, что ихъ нельзя опоганить. Хозяинъ сказалъ что–то хозяйкѣ, почесался, подумалъ и объявилъ, что молока и яицъ нѣтъ. Я не хотѣлъ вѣрить, чтобъ въ деревнѣ нельзя было достать того или другаго, и потому настаивалъ; хозяинъ увѣрялъ, что скотина пала еще съ осени, а курицы давно перевелись отъ постоевъ. Послѣ долгихъ настояній и уговоровъ, онъ объявилъ, что у одного только мужика есть дойная корова, прочія всѣ отказались послѣ

чумы, но что онъ сомнѣвается, можно ли будетъ достать у этого мужика молока, и прибавилъ, когда уже выходилъ изъ избы: «намъ туда нельзя ходить». Хозяйка не могла или не хотѣла мнѣ объяснить этого выраженія, и я поневолѣ выждалъ возвращеніе хозяина, съ какимъ–то парнемъ: его пошли, сказалъ мнѣ первый. Я далъ ему денегъ и наконецъ завладѣлъ кринкою молока. Наѣвшись и закуривъ трубку, я разговорился съ хозяиномъ, попотчивалъ его табакомъ и, вспомнивъ слова его, спросилъ объясненія, почему–де вамъ нельзя туда ходить? Онъ улыбался, почесывался, молвилъ что–то хозяйкѣ, которая засмѣялась, и на повторенный вопросъ мой отвѣчалъ только: «такъ, что нельзя, мы вишь ни–другъ». Это еще болѣе завлекло мое любопытство, и я не отсталъ отъ Чувашина, покуда онъ мнѣ не расказалъ, въ чемъ дѣло.

Есть народы, напр. Китайцы и Японцы, у которыхъ самоубійство ни по чемъ; трусъ по себѣ, Китаецъ или Японецъ, однакоже, будучи по своимъ понятіямъ обезчещенъ,

поруганъ, считаетъ долгомъ вспороть себѣ брюхо. Увѣряютъ даже, что они дѣлаютъ это иногда, вмѣсто поединка, на зло другъ другу: если обиженный распоретъ себѣ животъ, объявивъ при томъ имя своего обидчика, то этотъ обязанъ послѣдовать его примѣру: таковъ обычай, а обычай сильнѣе закона. Нѣчто похожее встрѣчается у Чувашъ, хотя, можетъ–быть, не въ той мѣрѣ и не въ такомъ общемъ распространенiи.

Чулка, отецъ того хозяина, у котораго взято было теперь молоко, былъ негодяй и воришка. Попавшись разъ на воровствѣ у Ярмука, у отца моего хозяина, Чулка поплатился зубомъ, который выбилъ ему Ярмукъ пестомъ. Золъ былъ Чулка на это, потому–что люди не давали ему проходу, указывая на выбитый рѣзецъ; но дѣлать ничего: виноватый молчитъ, и Чулка также молчалъ. Въ отместку за зубъ свой, онъ рѣшился наказать Ярмука, укравъ у него лошадь. И тутъ Богъ его попуталъ: онъ попался съ лошадью, и поймалъ его опять самъ хозяинъ, Ярмукъ, но на сей разъ уже

не удовольствовался тѣмъ, что отмялъ ему вволю бока, а связалъ его и представилъ начальству. Чулка убѣдительно отпрашивался, клялся, что больше у него воровать не станетъ, но Ярмукъ не хотѣлъ, видно, вводить его въ искушеніе и требовалъ расправы. Тогда Чулка поклялся отмстить ему съ такой злобой, что и Ярмукъ испугался–было проклятій его и потому скрутилъ ему руки потуже, далъ еще двѣ заушины и тотчасъ же повезъ на своей подводѣ, со старостой или сотскимъ въ городъ.

Дѣло длилось, по обыкновенію, но наконецъ рѣшено было тѣмъ, чтобы наказать Чулка при полиціи, отдать его на поруки и оставить подъ присмотромъ. Приговоръ исполнили; но, по безпорядку, позабыли записать исполненіе въ журналъ и донести объ этомъ куда слѣдовало; черезъ мѣсяцъ, по случаю пересмотра вѣдомости нерѣшеннымъ дѣламъ, полиціи сдѣлано было подтвержденіе, чтобы наказать арестанта Чулка и оставить его на мѣстѣ жительства подъ присмотромъ. Чулка

вытребовали, посѣкли и отпустили. Проходитъ еще мѣсяцъ; полиціи насылаютъ грозное приказаніе исполнить приговоръ немедленно и донести. Тутъ уже подавно разбирать было никогда: Чулка въ третій разъ потянули, выместили на немъ выговоръ этотъ и неисправность пьянаго секретаря или письмоводителя, и наконецъ уже въ этотъ разъ донесли объ исполненіи и помѣтили дѣло конченнымъ.

Воротившись домой, Чулка былъ такъ золъ, что лѣзъ на–стѣну; если бы онъ былъ не Чувашинъ, то, конечно, посягнулъ бы на убійство своего заклятаго врага, Ярмука; но Чувашинъ этого не сдѣлаетъ, и Чулка распорядился иначе: выждавъ ночь, онъ пошелъ и удавился на воротахъ Ярмука. Со свѣтомъ баба сунулась–было изъ избы съ ведрами по воду — и ахнула, кинувшись опрометью назадъ. Хозяинъ выскочилъ и стоялъ столбнякомъ. Онъ былъ не Японецъ, и потому вовсе не обязывался вспороть себѣ, въ честь повѣшеннаго сосѣда, брюхо, или послѣдовать его примѣру и удавиться; но Ярмуку грозила

бѣда другаго рода, которая иногда стоитъ петли и веревки: судъ наѣдетъ со слѣдствіемъ и со всѣми принадлежностями къ нему и неминуемыми послѣдствіями…

Съ–этихъ–поръ, между семействами Ярмука и Чулка основалась вѣковѣчная вражда и ненависть, хотя одинъ изъ этихъ родоначальниковъ, какъ мы слышали, 20 лѣтъ назадъ удавился, а другой волею Божьею самъ собою скончался. Вражда эта простиралась до того, что никто изъ семьи Ярмука не ходилъ въ домъ Чулка, и обратно, почему хозяинъ мой и не хотѣлъ или не смѣлъ идти туда за молокомъ.

Такой висѣльникъ извѣстенъ у насъ въ народѣ подъ названіемъ *сухой бѣды*; и, говорятъ, понынѣ еще Чуваши въ злобѣ своей грозятъ иногда другъ другу тѣмъ, что сулятъ на дворъ сухую бѣду, т. е., обѣщаютъ одинъ у другаго на дворѣ удавиться.